

Ю. С. Гончарова
Днепропетровск

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ АВТО/МЕТА/БИОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА И. ХАССАНА «ИЗ ЕГИПТА»

Аналізується нове співвідношення між образно-художньою, есеїстичною та документальною складовими в авто/мета/біографічному тексті І. Хассана «З Єгипту: епізоди і пояснення автобіографії».

Ключові слова: авто/мета/текст, автобіографія, постмодернізм, парабіографія, біографема, антиформа, І. Хассан.

Анализируется новое соотношение между образно-художественной, эссеистической и документальной составляющими в авто/мета/биографическом тексте И. Хассана «Из Египта: эпизоды и пояснения автобиографии».

Ключевые слова: авто/мета/текст, автобиография, постмодернизм, парабиография, биографема, антиформа, И. Хассан.

The new relation between the imaginative, essayistic and documentary components in I. Hassan's auto/meta/biographical text "Out of Egypt: Episodes and Arguments of an Autobiography" is analyzed in this article. The analysis gives ground to suggest that the leading edge of a new mode of autobiographical writing sets challenge to invention and fabrication. I. Hassan introduced a new comprehension of ontological truth in autobiographical writing, transgressing the boundaries of fiction and reality. Radically new techniques transform traditional autobiographical coordinates, contributing to further development of American literature.

Key words: auto/meta/text, autobiography, postmodernism, parabiography, biographema, anti-form, I. Hassan.

Ихаб Хассан, корифей американской постмодернистской теории, создатель резонансных концепций паракритики и парабиографии умышленно обращается к жанру автобиографии не только как литературный критик, но и как писатель. Книга «Из Египта: эпизоды и пояснения автобиографии», которую И. Хассан опубликовал в 1986 г., в период разработки новых критериев ценностной и смысловой ориентации, является объектом изучения в предлагаемой статье. Эта книга – отражение постмодернистского менталитета и яркий пример автометаописания, в котором автобиография сливается с критическими раздумьями, многогранность которых включает и размышления о природе самой автобиографичности. Специфика поэтологических решений в литературе с интенцией, к которой, бесспорно, принадлежит автобиография, является предметом исследования.

Композиционно автометаописание «Из Египта» состоит из четырех частей, каждая из которых имеет собственное название, в котором обозначены ключевые темы и проблемы определенного периода жизни автора. Так, в первой части «Истоки и следствия/ Beginnings and Ends» писатель, используя принцип симультанной декорации, предлагает вниманию читателя «набор» всех элементов произведения, которые, словно частички калейдоскопа, должны создавать новые комбинации благодаря деконструирующим движениям автора. Характер этих движений, по мнению И. Хассана, предопределен природой современного бытия – «a fractious existence» [8, с. IX]. Кроме того, в таком подходе отчетливы черты автометаописательности, когда предметом литературного творчества становится не только история жизни автобиографического «я», но и его мысли, концепции о жанре автобиографии и о литературе.

Название второй части «Уединенные места/Solitudes: 1925–1941» задает личностный исповедальный тон всему тексту. И. Хассан рассказывает о своем детстве и отрочестве, проведенных в разных провинциях Египта, где его отец был губернатором. Сказочная природа этой страны, её богатая история являются не просто фоном, а важным элементом самоописания.

«Решения/Resolutions: 1941–1946» – третья часть парабиографии Хассана, содержащая воспоминания о поступлении в Каирский университет, о лете, которое отделило его от детства. Писатель воскрешает в памяти образы прошлого, порожденные противоположными интенциями – желанием сбросить и передать психофизические ощущения детства, при помощи письма вывести их из состояния подсознательного чувствования и одновременно перейти на новую ступень жизни, где прошлое превращается в «личный архив», заполненный случайными «мемориями», – так мы предлагаем называть краткие описания событий, всплывающих в памяти автора. Именно эти переходы, а точнее процессы личностного преобразования, подвергаются анализу в последней, четвертой части автометаописания, которая охватывает

период с 1946 по 1985 годы и демонстрирует принципиальную невозможность окончания автобиографического текста. Это качество закреплено в самом названии «Passages» (в русском переводе «путь», «течение», «ход», «отрывок», разговор»), которое коннотативно усложнено.

Знаменательно, что, создавая эту парабиографию, построенную по постмодернистским правилам ризомы, децентрации, жанровой свободы, невозможности четкого размежевания субъективных и объективных фактов, Хассан сохраняет такие внешние признаки традиционной автобиографии, как согласованное с читателем соответствие автора-героя-повествователя, ретроспективная направленность и хронологическая последовательность, которая наглядно представлена в содержании и сохранена в отдельных отрезках произведения. Рискнем предположить, что этим жестом – вписыванием черт традиционности в современный, отмеченный постмодернистским «автобиографическим поворотом» контекст постструктуралистского дискурса, – писатель и теоретик хочет засвидетельствовать, что деконструируется не только феномен традиционного автобиографизма, цель которого «воссоздать лицо», но и высвечиваются зоны эпистемологического напряжения в предложенной постструктуралистской критикой концепции «смерти субъекта». Присутствие такого значимого элемента, как *bio* в неологизме *parabiography*, многозначно: Хассан сознательно создает противовес чрезмерным деконструктивным усилиям, доводя до предела «интеллектуальную пиротехнику» деконструктивизма. Таким образом, он стремится сохранить парадигму «пишу себя» в подвижных границах текста-письма, где, по мысли некоторых теоретиков, возможно лишь «продуцирование отличий при помощи повторов» и, как результат, «смерть автора» в акте производства текста [11, с. 334].

И. Хассан подчеркивает, что его книга «Из Египта» – это не традиционная автобиография, но и не «imaginary autobiography», хотя ей присуща несвойственная жанру автобиографии свобода – «liberty with a few scenes and names» [8, с. X]. Здесь сразу вспоминается «прямая» автобиография классика датской литературы К. Бликсен «Out of Africa» (1937), написанная, как почти все книги писательницы, по-английски. Но Хассан в отличие от Бликсен хочет создать иное соотношение между образно-художественной и документальной стороной в «рассказе о себе». В одном из интервью он замечает, что подзаголовок «Scenes and Arguments of an Autobiography» следовало бы заменить словосочетанием «Fragments of a Memoir» [6]. Форма фрагмента позволяет совместить дорефлексивный экзистенциальный опыт и авторефлексию, которая вписывает этот опыт в пространство культуры. Кроме того, фрагмент наилучшим образом иллюстрирует увиденную современностью фрагментарную сущность субъекта и становится адекватным способом самоописания в эпоху постмодернизма. Если воспользоваться терминологией Р. Барта и сравнить каждый фрагмент жизни с фотографическим снимком, который сознательно

или бессознательно возник в памяти и был воссоздан автором на письме, то в каждом из них будет скрытая деталь, что манит и удивляет, так называемый «*punctum*», который позволяет реализовать желание «высказать своё внутреннее, не обнажая интимного» [1, с. 32].

Приветствуя открытость, разомкнутость антиформы, в тексте «Из Египта» Хассан не полагается на случай, а рассматривает случайность и причудливость памяти и мысли как основу художественного замысла. Отсюда для заполнения этих «изломов/*cracks*» в памяти и жизни – метод «*brief essays*» [8, с. IX], который, в данном случае, является скорее иллюстрацией принципа «квазинонселекции», чем нонселекции, внесенной самим Хассаном в список отличительных черт литературы постмодернизма. При помощи этого метода выстраивается концентрическая, а не хронологическая композиция автобиографии. Сюжет формируется вокруг отобранных автором «автобиографем» [3], которые порождают цепочку микросюжетов, определяющих событийный и тематический каркас произведения. Центром этих микросюжетов становятся не только факты личной жизни, но и индивидуально воспринятые и критически переосмысленные философские и эстетические концепции. Пунктирно выписаны две сюжетные линии – история утраты родины и осмысление возможности/невозможности передать свою жизнь в жанре автобиографии. Эти переплетающиеся сюжетные линии определили структуру всего автометаповествования.

У Хассана в Америке возникает представление о своей жизни в Египте как о законченном тексте. Разобранный на фрагменты безжалостным ходом времени, когда-то целостный мир детства и юности превращается в текст-самоописание, становясь автобиографическим метатекстом, который пишется «здесь и сейчас». С сожалением автор рассказывает о необходимости оживить в памяти значения названий и мест в его родной стране при помощи справочника, созданного иностранцами-египтологами. Отголоском покаяния звучит вопрос к себе о способности добавить что-то новое к скрупулёзно описанной чужестранцами истории Египта; болью отзываются в сердце воспоминания о родителях (“*long dead – dead to me perhaps before they entered their grave*”), про обоюдное отступничество (“*tergiversations*”), самоигнорирование, которое будто бы лелеет чувство собственного достоинства (“*self-esteem*”) [8, с. 31,12]. Глубоко личностные обертоны подчеркнуты стилистически-зримой метафорой “*before they entered their grave*” и высокой книжной лексикой (“*tergiversations*”).

Приходится сожалеть, что особая природа автобиографизма книги Хассана, в которой художественное и теоретическое неотделимы, пока не стала предметом научного изучения. Критики (М. Бирд /М. Beard, М. Фалькофф/М. Falcoff, В. С. Хассан/W. S. Hassan [5, с. 18; 7; 9]), обращаясь к анализу этого произведения, сосредотачивают своё внимание на проблеме постколониальных отношений и конструировании автором утопического образа Америки, обходя вниманием центральный образ парабиографии –

Бегство. Заметим, не обретение новой родины, а именно побег, организует структуру книги и становится автобиографическим образом-переживанием, образом-самооправданием.

Сравнивая текст «Из Египта» с автобиографическими произведениями других авторов-иммигрантов, – с «Лишним» (“*Out of Place. A Memoir*”, 1999) Э. В. Саида или с «Превращением пансионерки: Из Каира в Америку – путь женщины» (“*A Boarder Passage: From Cairo to America – A Woman’s Journey*”, 1999) Лейлы Ахмад, исследователи упрекают И. Хассана за «отказ от Египта», за акцентированное «escape», которое настойчиво возникает из толщи воспоминаний, за гнетущие эпитеты (“*miasmatic bureaucracy*”, “*prodigal and corrupt*,” а “*place of unspeakable pollution and occlusion*” [8, с. 13, 41], которыми автор характеризует жизнь в стране, где родился и вырос. Понятно, что исследователи подходят к оценке книги Хассана как к «прямой» автобиографии – жанру с «правдой» автодокумента, не замечая, что правда Хассана не в прямых фактах и указаниях на них, а в атмосфере правдивости, где и горечь, и боль, и глубокое чувство утраты. “*My Egypt*” / “*Eternal Egypt*” существует в глубине его воспоминаний. Сейчас уже нет родителей, потеряны связи с семьёй, растворилась в прошлом атмосфера детства и юности. Современный Египет – иной и чужой, в нём уже нет нитей, связывающих автора с детством и юностью, он не чувствует себя его частью – неумолимое время и настоящая любовь вытеснили эти воспоминания на окраины сознания. Выясняется, что сначала, до знакомства с Салли (так зовут жену И. Хассана), мысль о возвращении носила «недобрый», «рецидивный» характер. Знаменательна и многозначна здесь отсылка к медицинскому термину «рецидив». Автор вспоминает, что мечтал о том, как дома, на другом континенте, закроет дверь, оставшуюся открытой, покормит канарейку, прошепчет приветствие (“*close a door left ajar, feed a canary, whisper a message*”) [8, с. 108]. Создается образ борьбы – борьбы с желанием вернуться, словно с болезнью. Поэтому латентные обвинения, таящиеся в критических откликах на книгу, – результат непрочитанности этой пронзительности сложно выстроенного автобиографического текста.

По утверждению самого И. Хассана, он «продолжает конструировать эту ‘автобиографию’ – кубик за воображаемым кубиком, словно пирамиду, возведенную ненадежными рабами» (“*I continue to construct this ‘autobiography’, block by fictive block, like a pyramid raised by treacherous slaves*”) [8, с. 48], потому что его цель – не рассказ о «Вечном Египте/*Eternal Egypt*», существующем в доступных всем историях и легендах, а воссоздание «его Египта» – интимизированного утраченного локуса, который крепко связывает в памяти реальное и воображаемое, раскрывая тайны формирования собственного «я». Вот эта пунктирно прочерченная в мета/автобиографической прозе линия сюжета жизни остается не замеченной исследователями, которые читают эту книгу либо как «самооправдание Хассана в предательстве», либо исключительно теоретически – как манифест новой версии автобиографического письма – парабюграфии.

Между тем композиционно-стилистическая структура книги И. Хассана отражает не только творческую манеру Хассана-теоретика, но и Хассана-писателя, своеобразие его языка и стиля. Симметрия антонимических, наполненных экзистенциальным смыслом дистинкций жизнь/смерть, страх/ликование, покой/борьба в тексте высвечивает переходы от прошлого к настоящему, от личного к общему. В точечных реконструкциях прошлого и анализе возможности/невозможности его воссоздания в автобиографическом тексте четко ощущается отклик И. Хассана на идею Ф. Лежена о том, что автобиография является одним из поразительных аспектов великого мифа современной западной цивилизации, мифа «я» [10, с. 340]. Здесь прослеживается отклик и на наблюдение Р. Барта о принципиальной двусмысленности отдельных феноменов – об *амфибологии* смысла. Думается, что именно на этой неопределенности и акцентирует внимание И. Хассан, опосредованно поддерживая французского теоретика в его убеждении, что «фантазм не в том, чтобы понимать всё (подряд), а в том, чтобы понимать *другое*» [2, с. 40]. Так Хассан присоединяется к известной дискуссии о сущности концепта «Другой», который в конце XX века, благодаря Э. Левинасу, сместившему аксиологический вектор философской мысли с текстологической реальности на реальность коммуникативную, получает новую интерпретацию. Таким образом, определяется граница между классическим постмодернизмом и современным *после*-постмодернизмом – «after-postmodernism» [4], в формулировке Хассана – «beyond postmodernism». На этой границе реальность языка, а значит и документальная достоверность автобиографии утрачивает своё доминирующее значение, на авансцену литературы выходит то внутреннее и личностное, которое, по мысли позднего Хасана – теоретика постмодернизма, именуется «fecundiary» (достоверное в своей внутренней серьезности и искренности). Именно этот аспект, на наш взгляд, является стержнем литературной автобиографии И. Хассана. Текст, заявленный как научное исследование, превращается в эссеистическую, интимно-психологическую прозу, художественная природа которой в плотности имажинативных эксцессов мысли.¹

Новое соотношение между образно-художественной, эссеистической и документальной составляющими в «рассказе о себе, их динамический перетекающий статус, определяет особенности поэтики авто/мета/биографического текста «Из Египта». Книга Ихаба Хасана, с одной стороны, вписывается в контекст теоретических исследований жанра автобиографии, о чем не только заявлено в названии, но и развернуто в дискуссиях с исследователями, а с другой – является ярким образцом «поэтического мышления», глубоко личностного стиля, открытости саморепрезентации.

¹ Об особой художественной и личностной природе эссеизма в литературе см. работу В. И. Липиной (Березкиной) «Становление современной английской прозы». – Дн-ск, 1993. – С. 54.

Библиографические ссылки

1. Барт Р. Camera lucida: [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.klinamen.com](http://www.klinamen.com)
2. Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте / Ролан Барт. – М.: Ad Marginem, Сталкер, 2002, – 288 с.
3. Болдырева Е. М. Автобиографический метатекст И. А. Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма : автореферат на соискание уч. степени д-ра филол. наук: 10.01.01 / Российский университет дружбы народов. – Ярославль, 2007. – 46 с.
4. Можейко М. А. After-postmodernism / М. А. Можейко // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – С. 524.
5. Beard M. Royal Gossip and the Meaning of Fencing / M. Beard // New York Times Book Review, 1 February, 1987: 24.
6. Durczak J. Ihab Hassan in Focus: an Interview with Ihab Hassan: [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www.ihabhassan.com/durczak_interview_ihab_hassan.htm
7. Falcoff M. Rev. of Out of Egypt, by Ihab Hassan / Marc Falcoff // The American Spectator 22:10 (October 1987): p. 48–49.
8. Hassan I. Out of Egypt: Scenes and Arguments of an Autobiography / Ihab Hassan; – Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois UP, 1986. - xi+115p.
9. Hassan W. S. Arab-American Autobiography and the Reinvention of Identity: Two Egyptian Negotiations / Wail S. Hassan; - Alif: Journal of Comparative Poetics. Issue: 22, 2002, p. 7+.
10. Lejeune Ph. The autobiographical contract / Philippe Lejeune // French literary theory today. A Reader [Ed. by T. Todorov]. – Cambridge, N.Y.: Cambridge UP, Edition de la Maison des Scieces d l’Homme, 1988.
11. Sprinker M. Fiction of the Self: The End of Autobiography //Autobiography: Essays Theoretical and Critical [Ed. by J. Olney]. – Princeton, N. Jersey: Princeton UP, 1980. – pp. 321–342.

Надійшла до редколегії 22 березня 2014 р.